

мифопоэтики и истории идей. Москва: РОССПЕН.

Дмитриева, Е.Е. (2020). Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков (1880 – 1930-е годы). Серия «Русская усадьба в мировом контексте, 5. Москва: ИМЛИ РАН.

KONSTANTIN BOLENKO, *State Museum-Estate “Arhangelskoe”*
bolenko.kg@arhangelskoe.su

Received: December 9, 2023.

Accepted: December 9, 2023.

DOI: <https://doi.org/10.30827/meslav.22.29682>

АННОТАЦИЯ

В рецензии кратко освещается содержание монографии, посвященной различным аспектам русского и европейского усадебного текста, точкам пересечения и расхождения между ними. Композиционно работа представляет собой несколько групп тематически связанных очерков, представляющих российскую усадебную историю в европейском контексте, а европейскую – как не только влияющую на Россию, но зачастую отмеченную российским присутствием. Один из результатов работы – обнаружение многочисленных, в том числе неожиданных точек пересечения европейской и российской реальной и литературной истории, связанной с усадьбами.

Ключевые слова: усадебный текст, замок, усадебный миф, Россия, Европа.

Автор 5-го выпуска серии «Русская усадьба в мировом контексте» Е.Е. Дмитриева – известный историк литературы, доктор филологических наук и член корреспондент РАН (2022) – еще в конце 1990-х обратилась к изучению феномена русской усадьбы и особенно ее литературной истории и культурной мифологии. С первых же строк она раскрывает генезис своего замысла. Так, после выхода монографии «Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай» (Дмитриева, Купцова, с. 2008) немало людей задавали ей вопрос: «...было ли нечто аналогичное в других культурах? И можно ли говорить об усадебном топосе применительно к европейским литературам, французской, немецкой и проч.?» (Дмитриева, 2020, с. 18). Новая книга рассматривается автором как логичное и естественное продолжение предыдущей. Начав с вопроса о степени своеобразия культурных функций русской усадьбы и русского усадебного мифа, автор почти сразу переходит к основному выводу: «...Работа над этой книгой заставила существенно пересмотреть тезис об уникальности русского усадебного текста. Или, точнее сказать, скорректировать его, найдя целый ряд отличных от него аналогов (оксюморон!), тех точек схождения, пересечения русского усадебного текста с жизнью западноевропейской усадьбы» (Дмитриева, 2020, с. 19). Этот «дисclaimer» оправдан, поскольку требует пояснения структура монографии. Не отрицая определенной уникальности русской дворянской усадьбы, Е.Е. Дмитриева представляет вниманию читателя созвездие из 26 глав-очерков, непростое по внутренней логической и ассоциативной структуре, должное ввести «историю русской усадьбы в контекст западноевропейской, выделяя в том и другом определенные константы» (там же). Зарубежный контекст равен российскому по количеству глав, что неизбежно придает

© Univesidad de Granada. Este trabajo está licenciado bajo una licencia CC BY-SA 4.0.

ему во многом самостоятельный характер. При всех возможных претензиях к нему, такой подход ценен тем, что меняет привычную оптику большинства исследователей российской усадьбы, перефокусируя ее с россицентризма в общеевропейский масштаб и при этом предоставляя читателю возможность самому осваиваться в новой реальности.

Претензий на строгую функциональную типологизацию и логическую последовательность глав в монографии нет (логика переходов от главы к главе изложена во введении), но сама очерковость структуры в рамках разделов и их иллюстративная, по сути, подборка сбалансирована в понятийном и образном отношении.

Книга состоит из пяти частей: «Русская усадьба: до и после», «Художественные колонии и дачи», «Пространство инициации», «Усадебные стилизации» и «Замок как культурная мифологема и пространство жизнетворчества». Дать обзор всех глав в короткой рецензии, разумеется, нет никакой возможности.

В первом разделе автор подчеркнуто ориентируется на рассмотрение процессов послереволюционного периода. Уже в первой главе, «Семантика, топос и хронос русской усадьбы» переосмыляется понятие Золотого века русской усадьбы. Акцент сделан на новом подъеме усадьбы, характерном для предреволюционного времени, подъеме именно культурном. И на том, что он и тенденция к упадку и умиранию шли параллельно друг другу.

Этот акцент должен подготовить читателя к тому, что ждет его при чтении последующих глав. В первую очередь, второй, в которой описано, «в каких формах выживала русская усадьба после революции 1917 года». Кроме усилий самих бывших владельцев и представителей усадебного персонала по сохранению усадеб, их интерьеров и коллекций, это были и совместные действия властей предрержащих и культурной элиты, позволившей спасти часть художественных собраний, а в некоторых усадьбах создать музеи, дома отдыха и даже художественные коммуны. Продолжение усадебной жизни с конца 1920-х гг. автор видит в «попытке реконструирования усадебной жизни и усадебного прошлого уже вне России» и в «мифотворчестве»: «усадьба обретает статус той виртуальной ценности, которая уже более не нуждается в реальной субстанции» (Дмитриева, 2020, сс. 108, 110). Такой взгляд представляется нам сильным упрощением: усадьба сохраняла способность к выживанию также в силу того, что сама по себе задавала определенные доминанты быта и формировала определенные особенности мировосприятия и формы социальности, провоцировала появление локальных изводов усадебного мифа и круга лиц, интересы которых по отношению к усадьбе выходили за рамки голой утилитарности.

Третья глава, посвященная усадьбе Лог, расположенной в бывшем Гдовском уезде Псковской губернии, должна, по-видимому, служить исключением, подтверждающим правило. Действительно, ситуация была уникальной. Хозяйка дома с первого года советской власти проявила немалую гибкость: работала секретарем ревкома, учительствовала... Однако решающим фактором, предотвратившим перепрофилирование дома под какое-нибудь учреждение, оказалось то, что флигель усадебного дома снимала под дачу, а затем приобрела известная писательница М.В. Ямщикова (1872–1959; псевдоним – Ал. Алтаев), отнюдь не оппозиционная к новой власти, вполне успешная и счастливо избежавшая репрессий. Ее заступничество

сыграло немалую роль в сохранении дома за прежними хозяевами. В 1967 г. в Логу был открыт музей Ал. Алтаева. Уникальность этого случая подчеркнута тем, что М.В. Ямщикова оставила воспоминания и эпистолярий, в которых подробно описана жизнь в Логу до середины XX в.

Четвертая и пятая главы – две истории усадебной жизни вне России, Виллы И.А. Бунина в Грассе (Франция) и Сенар (Швейцария) С.В. Рахманинова. Прослежены попытки сохранить российские формы усадебного быта и влияние новых условий на восприятие русской усадебной жизни у Бунина и стремление реализовать «исконную тягу к земле» у С.В. Рахманинова (Дмитриева, 2020, с. 199).

Вторая часть монографии, «Художественные колонии и дачи», почти целиком построена на западноевропейском материале. Сколько-нибудь значимую связь с усадебной темой в России имеют лишь первая и четвертая. «Редхаус прерафаэлитов» (гл. 1) – попытка У. Морриса, одного из поздних представителей кружка, создать в конце 1850-х гг. загородную колонию художников, «идеального дома для идеального сообщества людей, собравшихся вместе, чтобы решать общие творческие задачи» (Дмитриева, 2020: 208). Несмотря на кратковременность, попытка оказала большое влияние на Россию, отозвавшись в экспериментах, предпринятых владельцами Абрамцева, Талашкина, Бёхова, Поленова. Четвертая глава, «Старосветские помещики с Мельницы Вильнёв: Эльза Триоле и Луи Арагон», интересна неожиданным сюжетом о том, как тема усадьбы не только оказалась актуальной в жизни Э. Триоле (в 1950-е гг.), но и неоднократно преломлялась в ее сочинениях и в произведениях ее мужа. Обращение к усадебной жизни и усадебной теме стало способом проживания и воплощения в творчестве неразрывно связанных тем памяти и забвения.

Вторая и третья главы – «В сторону Ворпсведе», тематически продолжающая тему художественных колоний, в данном случае в Германии 1890–1930-х гг., и «Гингеты и Лягушатня: французский паллиатив дачной жизни *belle époque*», вводящая в монографию тему связи дачной жизни и индустрии досуга на примере парижского пригорода Шагу. Особенного внимания заслуживает последняя, дающая материал для сравнения феноменов российской и французской дачи.

Композиционно центральное место в монографии занимает третья часть, «Пространство инициации», состоящая из шести глав. Автор искусно выстраивает композицию раздела. Упрощая, можно сказать, что она начинается с инициации интеллектуальной (гл. 1 «Версальский лабиринт: программа самопознания и совершенствования личности (между ландшафтной архитектурой и словом)», посвящает следующую главу инициации эротической («Сады эротической инициации: малый каприз Ж.-Ф. Бастида, парковые забавы принца де Линя и прекраснейший на свете Вёрлиц») и затем переходит теме социальной инициации – обретения себя как самостоятельной личности («Бретонский замок аббата Ламенне, два романа и два не поладивших между собой романиста (Стендаль и герцогиня де Дюра)'). Автор нигде не отказывается от возможности соотнести реальное и литературное, но именно в этой главе сплетение обоих пространств достигает максимальной степени.

Следующие три главы «Таинственная Синтра», «Гетеанум Рудольфа Штейнера в Дорнахе: опыт эзотерической утопии», «И снова поиск священного Грааля: роман Жюльена Граса “Замок Арголь”» посвящены разным изводам инициации мистической

и эзотерической. Отметим собранные автором «архитектурные реплики» португальской Синтры в России, а также факты активного присутствия в Гетеануме россиян.

В четвертой части, «Усадебные стилизации», наибольший интерес, на наш взгляд, представляют «российские» главы: «Две версальские серии Александра Бенуа, два эссе о Версале и балет “Павильон Армиды”: между стилизацией и инициацией» (гл. 2) и «Стилизации усадебных историй Пушкина в литературе Серебряного века» (гл. 3). Особенно первая, воссоздающая формы воплощения версальской темы в разных видах искусства и в искусствоведческой мысли. Возвращение к версальской теме, впервые заявленной в первой главе второй части монографии – одна из многочисленных тематических, сюжетных, фактологических и иных «рифм», постоянно возникающих в монографии и соединяющих части «сложенных вместе пазлов» в «более ими менее цельную картину» (Дмитриева, 2020, с. 29).

Феномен замка, заявленный как ключевой в названии пятой части монографии («Замок как культурная мифологема и пространство житнетворчества»), может сбивать с толку, поскольку четвертая глава «Чтение в усадьбе и культурный метатекст повести И.С. Тургенева “Фауст”» не имеет к ней отношения. Ключевой, если не сказать программной в этом разделе выступает первая глава, «Замки божественного маркиза и их новая жизнь в замке Иер герцогини де Ноай», в которой дан подробный разбор мотива замка в творчестве знаменитого маркиза де Сада как места чувственности, эротического опыта и порока, как эмблемы и потребности завоевания и места наказания за совершенные преступления, а также как удобного места литературного действия. При этом автор указывает на использование маркизом в своих сочинениях деталей собственного замка в Лакосте. Экстравагантные празднества, устраивавшиеся де Садам в Лакосте, нашли продолжение в торжественных приемах в поместье Иер в Провансе, проводимых его правнучкой Мари-Лор де Ноай (урожденной де Сад).

Красивым завершением как раздела, так и всей монографии выступает седьмая глава, «Русская усадьба во французской прозе: родовая память versus художественная реконструкция (Анна Вяземски из рода Мориаков)», в которой рассказано о внучке Франсуа Мориака писательнице Анне Вяземски (1947–2017) и соединении ею в романе «Горстка людей», посвященном предреволюционным годам в Лотарево, имени ее двоюродного деда Б.Л. Вяземского, родовых преданий и литературных клише об усадебной жизни в дореволюционной России, а также впечатлений от жизни в поместье Мориака, Малабаре.

Один из важнейших результатов работы – демонстрация бесконечного многообразия проявлений и одновременной устойчивости усадебного топоса в европейской, включая и российскую, культуре, по крайней мере до середины XX в. И как источника вдохновения, впечатлений и размышлений, переходивших позднее в литературу, искусство, включая архитектуру, и философию, и как места действия вымышленных персонажей. Это смысловое пространство оказывается причудливо и не всегда предсказуемо связанным в различных своих частях, в том числе географических – обращаем внимание на «странные сближения» между российской и европейской усадебными историями, концентрированно, хотя и не исчерпывающе изложенные автором в Заключение (Дмитриева, 2020, сс. 710–712).

Из недостатков монографии – как же без них – можно отметить недостаточную

точность заглавия. Излишне проблематизированное, оно оказывается много шире и литературных замков Европы, и русского усадебного текста, и нижней хронологической границы 1880-х гг. О заглавии забываешь с росписи содержания. Но масштаб и нетривиальность задачи и, главное, научные результаты искупают этот недочет с лихвой.

Можно пошутить, что наша жизнь никогда не будет прежней. Монография раскрывает перед исследователем русской усадьбы и ее европейских аналогов новые горизонты и устойчивое захватывающее ощущение того, что в очередной раз у нас снова больше вопросов, чем ответов.

REFERENCES

- Dmitrieva E.E., Kupcova O.N. (2008). *Zhizn' usadebnogo mifa: utrachennyj i obreennyj raj. 2-e izd.* Moskva: OGI.
- Dmitrieva E.E. (2020). Literaturnye zamki Evropy i russkij «usadebnyj tekst» na izlome vekov (1880 – 1930-e gody). *Seriya «Russkaja usad'ba v mirovom kontekste», 5.* Moskva: IMLI RAN.

Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. (2008). *Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд.* Москва, Россия: ОГИ.

Дмитриева Е.Е. (2020). Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков (1880 – 1930-е годы). *Серия «Русская усадьба в мировом контексте», 5.* Москва: ИМЛИ РАН.